

АЛЛА
ХОЛОД

**СУДЬБА
ВЗАИМЫ**

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Психология преступления. Детективы Аллы Холод

Алла Холод
Судьба взаймы

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холод А.

Судьба займы / А. Холод — «Эксмо», 2022 — (Психология преступления. Детективы Аллы Холод)

ISBN 978-5-04-172833-5

Алла Холод — профессиональный журналист. Драматические истории, положенные в основу сюжетов ее книг, придуманы, но далеко не фантастичны. Они о людях, живущих в современной России, не хороших и не плохих — сложных, раздираемых страстями, порой беспомощных перед обстоятельствами и поворотами судьбы, но неизменно ярких и сильных личностях. Это остросюжетные психологические драмы, которые дают повод задуматься и в очередной раз убедиться, что мир не делится на черное и белое. Эдик верит в то, что некоторым из нас сама судьба дает шанс изменить свою жизнь, и хватается за возможность внезапно разбогатеть. Увы, случай, который он не захотел упустить, оказывается для него вовсе не счастливым. Эдик сходит с дистанции, но эстафету тут же подхватывает Варя. Она одинока, некрасива и бедна, как церковная мышь, но обладает талантами, которые готова использовать, чтобы создать себе новую прекрасную жизнь. Купить ее. Или украсть. Или хотя бы взять займы... В серии «Психология преступления» выходят остросюжетные драмы Аллы Холод, которые дают повод задуматься и в очередной раз убедиться, что мир не делится на черное и белое.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172833-5

© Холод А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алла Холод

Судьба займы

© Холод А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Часть 1

Глава 1

Этого дня Варвара панически боялась, хотя и ожидала его приближения с чувством безысходной обреченности. И если чего-то хорошего можно ждать годами, а оно все не приходит и не приходит, то плохое случается непременно и, как правило, строго по расписанию, не заставляя себя долго ждать. Так и вышло. Не сработали ни мышинная возня, громко называемая «активными поисками», ни периодически применяемая тактика засовывания головы в песок – «пауза для осмысления ситуации», ни анабиоз, в который она пару раз впадала в тайной надежде, что по выходе из него все само собой чудесным образом преобразуется. Но ничего не преобразовывалось, не осмысливалось, не находилось. На счету зарплатной (совсем не смешно) карточки оставалось 23 рубля, а в кошельке печальным, если не сказать погребальным, звоном погромыживала мелочь. Сегодня она напоминала Варваре серебристые чешуйки мелкой плотвы – вроде не совсем пусто, но на самом деле – полный ноль. Ревизия кухонных ящиков показала, что в наличии остались два пакетика пшенной каши, незаконченная упаковка гороха, вермишель на одну порцию и подсолнечное масло – оно желтело на дне бутылки, не обещая ничего, кроме основы для одной-единственной яичницы. Впрочем, яиц (маленьких, самых дешевых, второй категории) и было лишь на одну глазунью. Еще в холодильнике фигурировали ничтожный кусочек сыра и остатки сливочного масла на порцию каши. Хлеба не было, мука если и имелась, то приготовить из нее Варвара все равно ничего не смогла бы: во-первых, не умела, во-вторых, к муке ведь нужны еще какие-то ингредиенты, а где их взять? Варвара подсчитала оставшийся картофель – четыре не очень презентабельных проросших клубня. Сколько ей предстоит прожить с такими ресурсами, Варвара не имела ни малейшего представления. Зато другие перспективы вырисовывались более или менее отчетливо: через неделю, если девушка не оплатит счет, у нее отключат интернет, денег на телефоне тоже практически не осталось. Связь с внешним миром истончалась с каждой минутой, и Варя ощущала это почти физически. Она даже перестала наведываться в шкафчик, где бережно хранила свои карты Таро, к которым раньше обращалась по любому поводу, и книги, над которыми дрожала и перечитывала по сто раз. Некоторые Варя покупала сама, чтобы совершенствовать мастерство и множить знания о предмете, некоторые удавалось по случаю достать маме. Среди маминых находок были и редкие экземпляры. Только вот гадать теперь Варе не хотелось: прогнозы выпадали плохие, ничего радостного в раскладах Варвара не видела. И когда гадания стали отнимать слишком много эмоций и душевных сил, Варя просто перестала брать колоду в руки.

Сестре не позвонишь – раньше дня зарплаты беспокоить Соню нет смысла, у нее самой пусть и неплохое, но фиксированное жалованье, да плюс двое детей и муж-жлобьяра, страшный, мягко сказать, экономер, которому на проблемы младшенькой Вари глубоко наплевать. Никаких мыслей не имелось, телефон молчал, сообщения не поступали, мессенджеры были девственно чисты, никто не проявлял к ней никакого интереса ни в соцсетях, ни как-либо иначе. Так плохо было не всегда, сравнительно недавно финансовая пропасть, в которую нынче так неумолимо катилась Варвара Семенова, даже ей самой не казалась глубокой. Оставшись без работы, первое время Варя не склонна была излишне драматизировать ситуацию – с людьми происходят вещи и похуже, ей ли об этом не знать. Она закинула удочки повсюду, обзвонила всех хороших знакомых, повстречалась со всеми более и менее полезными людьми, разослала резюме и откликнулась на все не вызывающие опасений вакансии. Стала ждать. Она не голодала и даже не чувствовала себя так уж стесненно, потому что считала, что проблемы с работой временные. Она, конечно, уже не могла покупать новые вещи, посещать любимые заве-

дения – неизвестно ведь, насколько растянется период неопределенности. Но с каждым днем омертвевший телефон усиливал ощущение, что эта неопределенность может затянуться. Скоро стало ясно, что растянуть надолго то, что осталось от мамы, не получится. Мама не любила дорогих украшений, не покупала их, потому продавать Варваре было уже почти нечего. После того как они с Соней поделили мамино наследство, у Вари остались оригинальная, увесистая золотая цепочка, два кольца с мелкими россыпями бриллиантов, довольно массивные серьги, подвеска, пара старинных монет и кое-что по мелочи. Имелось еще кольцо с одним бриллиантом весом в карат, но продавать его было чистым безумием: в скупке брали изделия по весу золота, камни шли подарком ушлым девицам, которые объясняли всем клиентам, что реализовывать изделия с драгоценными камнями можно только в ломбарде, выставив их на продажу за копейки. В ломбардах за дорого изделия не брали, Варвара проверила, а дарить наглым девкам мамин бриллиант она не собиралась. В итоге она спустила все мамины украшения, кроме того самого кольца, потом свои собственные, куда менее значительные, сильно уступающие маминым в цене. Ресурсы таяли на глазах, а вопрос с работой не решался. Вернее, не то чтобы он не решался совсем: за весь полуторагодовой период своего вынужденного простоя Варвара дважды устраивалась на работу, но оба раза крайне неудачно. Сначала ее порекомендовали на декретное место пресс-секретаря в государственный заповедник, и она пошла было, хотя из памяти еще не стерлось собственное мрачное и тоскливое библиотечное прошлое, но стоило ей выйти на работу, как декретная мамаша резко поменяла планы и Варвару вежливо выбросили из темного пыльного кабинетика, лишив надежды даже на маленькую зарплату. Потом она оказалась на бессмысленной и малоперспективной должности распространителя новой рекламной газеты, где проработала всего месяц. Но рекламная периодика, вопреки честолюбивым и совершенно не основанным на рыночных реалиях планам хозяев проекта, рекламу не собирала. Деньги сотрудникам, соответственно, не выплачивались. Варвара уже физически ощущала, что скольжение вниз идет по все более крутой траектории, и жизнь меняется в худшую сторону куда более стремительно, чем она могла бы предположить в своих самых пессимистичных прогнозах.

Сначала она перестала посещать рынок и покупать свежее мясо. Во-первых, на рынок надо было ехать на такси, а Варя обнаружила, что траты даже на это незатейливое и в общем-то недорогое удовольствие стали неподъемны для ее кошелька. (Общественным транспортом после начала пандемии Варя не пользовалась ни разу.) Во-вторых, на рынке, раз уж тратишься на дорогу, надо было «затариваться» хотя бы на несколько дней, а строить планы дальше «здесь и сейчас» Варвара давно уже не могла. Так что из ее рациона сначала исчезли говядина, домашняя птица и хорошие овощи. Их заменили дешевые магазинные куриные ножки, крылья и печенка, а также товары, ценники на которых обещали сниженную цену. Вслед за качественными продуктами куда-то запропастились приятели и подружки, коллеги, сокурсники, не говоря уже о просто знакомых. Постепенно Варя перешла на копейечный шампунь российского производства, а от гелей для душа отказалась вовсе, потом перестала красить голову, и ее волосы вернули себе природный мышиный цвет. Но и это было еще не самое худшее. В один момент девушка обнаружила, что продавать больше нечего, а подработки совсем не стало. Долги за коммуналку выросли до таких сумм, которые Варвара предпочитала не знать: она складывала счета в файл, стараясь не заглядывать в них, чтобы не усугублять прогрессирующую депрессию. Пришлось предложить свои услуги доброй знакомой, хозяйке маникюрного салона, где раньше Варвара холила свои ногти. Теперь же она два раза в неделю мыла в салоне полы и чистила раковины, зная, что хозяйка – женщина деликатная и, сочувствуя ее обстоятельствам, не станет болтать о ее бедственном положении при общих знакомых. Денег стало не просто не хватать, близилась полная финансовая катастрофа. И посоветоваться было не с кем, мама ушла и никогда больше не вернется...

Пока была жива Вера Матвеевна, Варя жила как за каменной стеной. Мама была не только мерилom всех жизненных ценностей, но и надежным форпостом в повседневной жизни. Вера Матвеевна Семенова являлась специалистом, к которому страждущие выстраивались в очередь. Чтобы попасть к ней в обход задолго распланированного расписания, нужно было обладать особыми знакомствами. Покойная мама Варвары Семеновой была иглорефлексотерапевтом редчайшего таланта и уникальных знаний. Она была широко известна за рубежом, ее часто приглашали на азиатские симпозиумы, семинары и конференции по акупунктуре, о ней упоминали в монографиях и статьях иностранные специалисты, журналисты часто брали у нее интервью, ее снимали в документальном кино не только региональные, но и столичные телеканалы. Словом, Варина мама была знаменитостью, но самое главное, действительно очень хорошим врачом и добрым, скромным человеком. Как у многих востребованных медиков, у нее имелись в этой жизни большие преимущества – для Веры Матвеевны были открыты все двери. К кому бы она ни обращалась, никто и никогда ни в чем ей не отказывал. Она помогала людям, и пациенты старались платить ей той же монетой. После «факультета невест», коим во все времена являлся филфак, Варвара на некоторое время оказалась в областной библиотеке имени Никитина на рядовой неприметной должности, но мама обещала, что ее пребывание там не будет долгим, и Варя поверила. Девочка ожидала рутины и библиотечной смертной скуки, но оказалось, что в священных стенах царят правила серпентария. Пожившие библиотекарши возненавидели Варвару с первого дня. Не звали на чай, не обращались по имени, называя либо «голубушкой», либо «деткой», а за глаза активно обсуждали, куда именно метит новопривышшая: в вожаемую, но недостижимую синектуру – областной департамент культуры, куда библиотека входила как структурное подразделение, или в один из теплых кабинетов на втором этаже, где гнездилась администрация учреждения. Варвара абстрагировалась, делала вид, что ничего не замечает, и ждала, когда мама исполнит свое обещание. И в один прекрасный день – а он действительно был замечательным – мама отправила Варю к какому-то большому телевизионному начальнику, который обещал девушке место редактора в какой-то там редакции – от нахлынувшей волны восторга Варя даже не поняла, какой именно. Да и разве это имело значение? После унылых библиотечно-террариумных будней само слово «телевидение» звучало как волшебная музыка.

Варваре повезло: она попала в коммерческий проект, бригаду, которая работала на серьезного мебельного олигарха, поставившего себе целью в кратчайший срок попасть на региональный политический олимп. И, как поговаривали, попробовать себя на следующих губернаторских выборах. Олигарх был мужик умный, улыбочивый, позитивный, построивший бизнес своими предпринимательскими талантами, но ужасно косноязычный и словоблудный. Если его начинало нести, было невозможно предугадать, куда в итоге вывезет. На телевидении, где каждая секунда была считана, да еще и стоила безумных денег, такой формат не предусматривался, поэтому с магнатом работали сразу несколько человек. Сначала к нему выезжал корреспондент, который записывал интервью – то есть все мысли и то словоблудие, на которое господин Черемушкин оказывался способен, потом текст расшифровывался и попадал к руководителю бригады – Вике Бегуновой. Вика сама писать то ли не умела, то ли просто не хотела, но правильно ставить задачи у нее получалось. От нее Варвара получала указание, какие именно мысли должны прозвучать в эфире, а уж делом Вари было отредактировать расшифрованное интервью таким образом, чтобы в нем не осталось ничего лишнего. Ну и чтобы звучало все красиво и объемно. После Вариной обработки текст вновь попадал к Вике, которая тщательнейшим образом размечала его особыми знаками – здесь герой передачи должен улыбнуться, здесь сделать многозначительную паузу, а здесь просто поднять бровь... Что и говорить, Вика умела «подать» человека. В итоге, когда делали запись набело, оказывалось, что в студии вместо косноязычного мужика, у которого каждое веское слово удивительным образом обрастало долгими минутами невнятной бубнежки, которую трудно переварить, появлялся оратор, бю-

щий не в бровь, а в глаз. Это был многоступенчатый труд, но дело того стоило: команда телевизионщиков «вырастила» президента из мастера цеха. Некоторое время усиленной телевизионной дрессировки – и господин Черемушкин и вне студии стал говорить как по писаному. Ах какое это было счастливое время! Помимо положенных бригаде коммерческих выплат, магнат регулярно стимулировал свой коллектив, но разве дело только в деньгах? У них была сплоченная команда, маленькая, но очень дружная и профессиональная. Это время было, без сомнения, самым счастливым в не такой уж и долгой жизни Варвары Семеновой.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Зазвездившись на региональном небосклоне, олигарх заявил о своих претензиях на высшую должность, и с ним стали договариваться. Видимо, этот сценарий и был конечной целью всего предприятия. Так или иначе, на губернаторскую должность он так и не выдвинулся, зато значительно (как утверждали знающие люди) расширил свой бизнес, а телевизионный проект потом закрыл за ненадобностью. Варвару никто не уволил, она еще долгое время работала на телевидении, редактировала тексты, идущие на сайт. А потом Вера Матвеевна скоропостижно умерла, и оказалось, что Варвара совершенно не готова к такому удару: она не на шутку разболелась, а когда вернулась на работу, от нее осталось только мокрое от слез место. Экономическое положение телекомпании больше не позволяло держать в штате редакторов. В общем, ее без сожаления сократили. Заступаться за девочку теперь было некому. Таким образом, на основании своего недолгого жизненного опыта Варя смогла сформулировать только один вывод: ничто хорошее действительно не вечно, и только гадость, наполняющая жизнь, может не иметь краев.

«В честь кого же ты назвала меня, мамулечка? Зачем?» – часто мысленно сокрушалась Варя. Варвара – она же мученица, правда ведь? Неужели мудрая и добрая Вера Матвеевна не подумала об этом, когда решала, как назвать новорожденную девочку? Или на этом имени настоял отец, которого Соня не помнила, а Варя даже и не видела, так как к моменту ее перехода из младенческого в детский возраст его уже не было в живых? Так или иначе, а эффективные, успешные современные девушки носили любые имена, но только не это. Тезок своих Варя не знала ни одной. Вот она и оправдала свое имя в полной мере – мученица, страдальца с сомнительной внешностью, но неоспоримыми коммунальными долгами. Без копейки денег и малейших перспектив к исправлению жизненной ситуации. Уборщица с филологическим образованием. Не смешно.

Эдик не особенно верил в счастливые случайности, только в Случай. Именно так, с большой буквы. Не в удачные совпадения или приятные неожиданности, которые могут наполнить жизнь под завязку, так и не изменив ее кардинальным образом. А именно в него, великий Случай, который и выпадает-то далеко не каждому, но если уж выпал, то только один-единственный раз, повтора не жди – его не будет. Не сумел воспользоваться даром судьбы, значит, Случай поищет другого, более достойного. Того, кто готов распознать его среди разнообразной жизненной шелухи, кто увидит его, почувствует и в один миг осознает важность момента. Впустит его в себя, во всю свою кровь и плоть. Оценит его исключительность. А оценив, уже ни за что не упустит и не уступит никому другому.

До сих пор неожиданностей и случайностей в жизни Эдика происходило достаточно, но приятными и уж тем более счастливыми их назвать было нельзя. Порой они являлись к нему в образах птиц: огромной вороны, которая, пролетая мимо, каркнула так громко, что мальчик-подросток поскользнулся на обледеневшем участке тротуара, не удержал равновесия и выехал аж на проезжую часть. Можно ли сказать, что он счастливо отделался? Конечно, три недели в гипсе это вам не венки на могилке, но ведь вороны-то могло и не быть. Другой раз случайность явилась к нему в виде гадливого голубя, который обделался юноше прямо на ослепительно-белую джинсовую куртку, на которую Эдик копил несколько месяцев. И произошло это прямо перед судьбоносным свиданием с девочкой, о которой он недавно и мечтать не смел.

Но после ряда хорошо продуманных, правильных заходов девочка проявила благосклонность, и если бы не голубь, кто знает, как повернулась бы его [Эдика] жизнь... Но идти на свидание в обгаженной куртке было нельзя, опаздывать – тоже, ибо девочка была не из тех, кто покорно ждет задержавшегося. Пришлось смириться с судьбой. Фортуна и потом позволяла себе демонстрировать Эдику свое явное пренебрежение, но не вспоминать же о ее фортелях всю жизнь. Тем более сейчас, когда Случай, кажется, снизошел наконец до неказистой Эдикиной судьбы.

Не то чтобы текущая жизнь так уж сильно не устраивала 29-летнего Эдуарда Погорелова. Гневить бога, жаловаться он бы не стал. Люди говорят, что Господь этого не любит – и то, что есть, может отобрать, если проявлять неблагодарность. Жить было где. Почти два года назад брат Андрюха уехал в Индию, сумел каким-то чудом раздобыть себе рабочий контракт за шикарную зарплату. Эдика он поселил в свою квартиру. Первое время он думал, что брат заделался в дауншифтеры – неужто в Индии своих фармацевтов не хватает? – но потом бросил размышления на эту тему. Какая, в сущности, разница? Главное, чтобы был жив и здоров. Вообще-то Андрей умный, зарабатывал и здесь хорошо, но там, значит, еще лучше. Так что в квартире Эдуард жил хоть и на птичьих правах, но зато один, никто ему не мешал. Да и хата была ухоженная, чистенькая, с хорошей мебелью и уютными шторами на окнах. Одет-обут Эдик был не хуже других, Андрей часто шмотки присылал, фастфуда в рот не брал (разве что на службе иной раз приходилось, когда времени было совсем в обрез), а дома жарил себе отбивные из мраморной свиньи какой-то хитрой канадской породы, варил щи из говяжьих краешков, вкуснее которых для супа еще никто ничего не придумал. Если уж собирался выпить, то водку брал хорошую, а пиво предпочитал хоть и не самое дорогое, но чешское. Все по уму, как у приличных людей. И все равно хотелось чего-то большего. Не только в материальном смысле, а вообще. Из прошлой жизни, не такой устроенной и спокойной, жаль было только Маринку – вернее, не ее саму, ей-то что, она, насколько знал Эдик, и без него в полном порядке. А саму жизнь с Маринкой, счастливую и почти семейную. Хотя они и ютились тогда в одной комнате в квартире у старушки Маши Пантелеевны, а жизнь все равно была какая-то радостная, правильная. И любовь в ней была, и надежда. Строго говоря, жаловаться на судьбу и сейчас не стоило, потому что карты она сдала Эдику не самые сильные, как хочешь ими, так и играй. Никакими особыми талантами он не обладал, образование имел всего лишь среднее специальное (и, заметим, неоконченное), энциклопедической эрудицией опять же похвастать не мог. Но были у него и положительные по всем меркам качества: внимательность, ловкость, сообразительность, если не сказать хитрость, умение схватывать на лету любую полезную информацию. Можно было этими полезными свойствами натуры распорядиться и как-то более разумно, но достойных советчиков у Эдика не было (Андрей только и умел, что умничать), а у самого как-то не сложилось, не докрутилось, не срослось. Ну да ладно, не об этом теперь речь.

Два последних года Эдуард Погорелов трудился водителем и по необходимости экспедитором в одной конторе. Формальное название у фирмы было, но его никто не упоминал, какое-то консалтинговое агентство... А реально конторе оно вовсе было без надобности, потому что занималась фирма обналом по заказу приличных и даже респектабельных бизнесменов, не шантрапы какой-нибудь. Казалось бы, зачем им, приличным, обнальщики? А оказалось, как раз очень просто: бизнесмены денежки считать умеют, и потому платить сотрудникам честные белые зарплаты желающих находится мало. То есть на карточки работникам поступают, конечно, какие-то минимальные суммы, но остальное они получают в конвертах. Поверите вы, например, что финансовый директор небедной строительной компании имеет оклад в двадцать тысяч рублей? Оклад, может, и имеет, а общую зарплату получает в восемь, а то и в десять раз больше белой суммы. И где, спрашивается, эту наличность брать? Правильно, в таких конторах, как та, где последнее время работал Эдуард Погорелов. Были и другие клиенты, у которых имелась нужда в наличности, но зачем да кто они, Эдику было неинтересно. Лишь бы ему

исправно и вовремя платили зарплату, претензий к размерам которой он, кстати говоря, не имел.

Похожих контор в городе, насколько знал Эдик, было несколько, и не сказать чтобы правоохранительные органы сильно интересовались их деятельностью. И вот совершенно неожиданно самая крупная из конкурирующих организаций оказалась под колпаком у полиции. Организатора и его ближайшего компаньона задержали и, говорят, даже нашли неопровержимые улики ведения подпольного бизнеса. Через несколько дней стало известно, что конкуренты подозреваются в организации незаконной банковской деятельности, и мера пресечения им избрана по нашим временам суровая – содержание под стражей. Но – опять же по слухам – суд проявил такую строгость, чтобы подозреваемые не смогли повлиять на свидетелей и организовать сокрытие улик. Добавляли, что через месяц-другой их отпустят на свободу, под домашний арест. Все это Эдик слышал от «коллег по службе», таких же, как он, шестерок, которые в свою очередь передавали то, что узнали от тех, кто был рангом повыше. Поначалу от таких новостей Эдику стало сильно не по себе: в кризисный год остаться без работы – врагу не пожелаешь. Перспектив устроиться на хоть сколько-нибудь приемлемую зарплату вот уже два года – с тех пор как началась всеобщая ковидная истерия – не было никаких. Бизнес работает нестабильно и не весь, многие и вовсе разоряются. А трудиться на государство Эдика тем более не пригласят: образованием не вышел, да и всем остальным, признаться, тоже. Сейчас остаться без зарплаты означало выбор между двумя одинаково паскудными возможностями: либо таскать пиццу или продукты за ничтожные копейки, либо тырить кошельки. Одно сулило голодуху и полное изматывание, другому Эдик обучен не был. Можно пристать к мошенникам, которые работают на телефонах, податься в таксисты... Эдик уже перебирал в уме самые разные варианты, но пацаны его успокоили. Мол, одним конкурентом меньше – это очень даже хорошо. И даже намекнули, что кто, мол, его знает – не обошлось ли здесь без Полкана? Не он ли подсуетился, собрал материальчик и оказал бесценную помощь полиции в разоблачении воротил нелегального финансового рынка? А что? Полкан мог. Прозвище это принадлежало человеку, который занимался в конторе вопросами безопасности. Сам он раньше боролся с экономической преступностью, носил погоны, причем такие, что не стыдно. То ли подполковничьи, то ли даже полковничьи. Тонкостей этих Эдик не знал, но, во-первых, клички не с потолка берутся, а во-вторых, достаточно было, что и без этих знаний Полкана все боялись как огня. В том числе и Эдик.

По заведенному Полканом порядку, о том, куда экспедиторы повезут деньги, было неизвестно до самого последнего момента. Они узнавали адрес, только когда наличность погрузилась «на борт». Это как раз понятно: зачем создавать молодым парням лишний соблазн? Иными словами, чтобы никому не пришлось в голову заранее подготовить какую-нибудь хитроумную каверзу. Для того чтобы машина не свернула с маршрута, в ней был установлен специальный приборчик, который стрелочкой показывал маршрут на мониторах в конторе, так что ни вправо, ни влево не дернешься... Да никто и не попытался бы, в этом Эдик был уверен. Скрыться от Полкана, с его рабочими навыками, шансов было немного. Для того чтобы такое провернуть, куш должен быть каким-то несусветным, но миллиардов контора не возила, это факт. Эдик тоже никогда ни о чем таком не помышлял, и даже в голову бы ему не пришлось ничего похожего, если бы не Случай. Именно такой, который бывает раз в жизни. Не заметишь его, упустишь – и всё. Больше судьба тебя испытывать не станет как недостойную и неподходящую кандидатуру, не прошедшую конкурсный отбор.

Случай не открывается человеку запросто, сразу и во всей своей полноте. Вполне может произойти и так, что вначале будут всякие мелочи и совпадения. Распознать в них начало чего-то большего может только тот, кого судьба решила испытать всерьез. Эдику Случай на блюде никто не подносил, некие факторы стали проявляться один за другим в течение нескольких дней, а то и недель. Смотря откуда начинать отсчет. Сначала слухи о неприятностях у конку-

рентов подтвердились публично – о них написали все региональные СМИ, и даже телевидение показало сюжет в выпуске новостей. То есть не болтали пацаны, все оказалось правдой. Потом все стали замечать, что работы прибавляется, и в конторе, где любому несанкционированному появлению чужих людей стараниями Полкана были созданы все мыслимые препоны, стали мелькать какие-то незнакомые лица. Причем на вполне «законных», то есть согласованных со службой безопасности, основаниях. Кстати или нет, но очередной виток заболеваемости пресловутым вирусом выкосил некоторое количество сотрудников: пара человек реально заболели, еще двоих, тех, кто близко контактировал, отправили на карантин домой, чтобы не разносили заразу, если она уже прилипла. Работы прибавилось, это было видно и по невиданной суете мальчиков-юристов, задействованных на всякой там регистрации-ликвидации, и водителей, и экспедиторов. Никто, впрочем, не обижался, потому что за повышенные трудовые обязательства были обещаны хорошие премиальные. Из всего происходящего даже Эдику нетрудно дался вывод о том, что дело не только в болезнях-карантинах, но и в новых клиентах, которыми обзавелась контора. На этом фоне Эдику выпало поработать непосредственно на Биг-Босса – так в конторе называли главного. Именем его Эдик никогда не интересовался, для него эта информация была лишней. И тут ведь тоже якобы случайно все вышло.

В тот день ввиду напряженного рабочего графика Эдик проснулся пораньше, выпил кофе, сделал себе внушительный завтрак из оставшегося с ужина винегрета, хлеба с маслом и котлетки, купленной накануне в ближайшей кулинарии, которую Эдик уважал за качество блюд, разнообразное меню и приемлемые цены. Со второй чашкой кофе позволил себе хрустящую шоколадную вафельку. Слегка объелся, но это не беда, неизвестно ведь, когда теперь придется пообедать – вполне возможно, что сегодня опять будет много работы. Как в воду глядел. Не успел Эдик войти во двор, где располагался офис конторы, позвонил Полкан.

- Далеко?
- Доброе утро, вхожу уже.
- Хорошо, давай по-быстрому в аэропорт, надо встретить хозяина с московского рейса.
- А...
- Еще один заболел, давай пошевеливайся. Хозяин ждать не любит.

До этого момента Эдик Биг-Босса никогда не возил, у того был свой постоянный водитель, который, как выяснилось, тоже заболел. Стало даже немного волнительно: не сделать бы что-нибудь не так. Не то чтобы хозяин производил впечатление какого-то страшного человека, вовсе нет. Наоборот, с виду он был весь такой душечка: гладенький, холеный, всегда чисто выбритый. Приятный, даже, может, и красивый. В общем, понятно, что дамский любимчик. Никогда ни на кого не повышал голос, со всеми здоровался, но ни на ком никогда не задерживал взгляда. Одевался стильно и очень дорого. В общем, по виду был похож скорее на актера, чем на владельца подпольного бизнеса. Эдику он казался человеком из иного мира, с другой планеты, на которой сам он никогда не бывал и вряд ли когда доведется. Каково ему будет в его присутствии? Об этом Эдик думал по дороге в аэропорт, старательно объезжая места, на которых чаще всего скапливаются пробки. И хотя пандемия свирепствовала и народ не валил за границу толпами, как раньше, все равно на улицах стало посвободнее, хотя даже июнь еще не кончился и пик сезона еще не наступил. Чтобы не думать о том, как не опростоволоситься перед хозяином конторы, Эдик размышлял, куда теперь едут отдыхать люди. Наверное, на дачи разъезжаются, в родные деревни, на турбазы куда-нибудь. За границу стали ездить меньше, даже многие зарубежные авиарейсы, которые пользовались большим спросом, в этом году не запустили. Жизнь стала неприятно напряженная и вместе с тем скучная и какая-то безрадостная. С такими мыслями Эдик доехал, припарковался, стал ждать. Полкан о болезни водителя Биг-Босса, конечно же, предупредил, потому что шеф, подойдя к машине, не выказал никаких признаков удивления, вопросов задавать не стал. Просто кивнул и велел ехать.

Тем же вечером Эдик в мельчайших деталях вспоминал этот, казалось бы, ничем не примечательный маршрут. Да не просто вспоминал – разбирал по словам, междометиям и даже паузам. Биг-Босс кому-то звонил и отвечал на вызовы, коротко беседовал, на водителя никакого внимания не обращал. То есть нельзя сказать, чтобы хозяин открытым текстом говорил что-то не предназначенное для чужих ушей, но Эдик-то не дурак, смог прикинуть, что к чему. После какого-то милого щебетания и мурлыканья (видимо, с дамой или девушкой) Биг-Босс принял звонок от кого-то важного, это сразу чувствовалось по тону. Может, Эдик и не стал бы прислушиваться так уж внимательно, но хозяин сам вынудил – не просто поздоровался с говорившим, а назвал его по имени. Хотя если бы по имени, то Эдик ничего бы не понял, но в том-то и дело, что Биг-Босс назвал невидимого собеседника прозвищем.

– А, Тараканище, привет, рад слышать! – так начался тот самый разговор, который мог кардинально изменить Эдикину судьбу. И действительно изменил, но в тот момент Эдуард Погорелов даже не представлял себе, в какую сторону.

– Какая срочность? – скупое поинтересовался хозяин у своего собеседника. – А сколько? Как планировалось или больше? (Пауза.) Ну, это... мне нужно прикинуть, но думаю, что очень быстро не смогу (пауза). Потому что неожиданно. Это же требует определенной работы, договоренностей, мы же не печатаем, сам понимаешь (пауза). Ладно, я что-нибудь придумаю, но не так быстро. (Пауза.) Ладно, я переиграю с теми, кто может подождать. Адрес нам уже назвали, да я бывал у вас в тупичке (пауза). Не у тебя, у соседа твоего. Ладно, из уважения к тебе и твоему проценту. (Тихий смех.) Будь здоров, я что-то придумаю.

Потом Биг-Босс набрал невидимый Эдику номер и сказал:

– Ты в конторе? Я сейчас буду. Не уходи. Значит, перенеси. Тут нельзя отказывать, это очень выгодно. Да, новые условия.

Это он звонил Змее, автоматически подумал Эдик. Так в конторе прозвали начальницу по финансовой части. То есть в нормальной организации ее называли бы, наверное, финансовым директором, но в их конторе в таких должностях нужды не было и на дверях кабинетов таблички не висели. Поэтому эту мадам звали так, как ей больше всего подходило, – Змея. Она ведала всеми деньгами и, как многие женщины, работающие в этой сфере, характер имела такой, который в точности отражала данная ей кличка. Но дело, конечно, было не в Змее. К ее существованию Эдик относился как к неизбежному злу, а попыток изменить внешние, не зависящие от него обстоятельства он никогда не делал за их очевидной бессмысленностью. По уху резануло обращение, которое употребил Биг-Босс. Наверняка он был уверен, что инкогнито собеседника полностью соблюдено, но ошибся. Эдик знал, какой человек имел кличку Тараканище. Это было прозвище, полученное еще в юности, когда совсем еще зеленый мальчишка стал носить пышные усы, чего никто в то время не делал – у продвинутой молодежи не было такой моды. Но Сергей Григорьевич Афонин с молодости на общепринятые модные тенденции плевал с высокой башни. И упорно носил усы, да не просто некие усики, а настоящие усищи. Богатые, пышные, в пол-лица. Оттуда и повелось. Близкие знакомые так и звали его до сих пор, когда наедине. Любовно, конечно, по-доброму. Откуда Эдик об этом знал? А очень просто. Его теперь уже бывшая любимая девушка Маринка работала в фирме Сергея Афонина. Сама себя она называла «полуюристом», потому что на третьем курсе вылетела из университета, а вуз, куда она определилась через пару лет на платное заочное обучение, пока не окончила. Почему Маринка не задержалась в универе, Эдик не знал, она уклончиво отвечала лишь, что «в тот момент жизнь ставила перед ней другие задачи». У Афонина она занимала положение согласно своему статусу недоучки: работала с претензиями клиентов. Валандалась с жалобщиками, составляла по их заявлениям отчеты. Если дело решалось мирно, передавала его исполнителям по инстанции, если шло в суд – группе юристов. От Маринки Эдик и узнал про юношеское прозвище Афонина, который по достижении возраста и статуса усами стал гордиться еще больше, а прозвище не только не скрывал, но даже и сам когда-то на каком-то

корпоративе, будучи навеселе, рассказал о нем ради шутки. От Маринки Эдик знал и о том, что на ее зарплатную карточку ежемесячно поступает одиннадцать тысяч рублей. Но ее общая зарплата составляла сорок тысяч, оставшуюся сумму она получала раз в месяц в конвертике.

Офис афонинской фирмы находился в уютном дворике, в тупичке, где стояли два совершенно одинаковых двухэтажных здания новой постройки, но отделанных под «классический ампир», соединенные между собой переходом на уровне второго этажа. Местоположение приятное – центр, да еще и с липами, на которые не успели покуситься другие градостроители. Единственный недостаток – отсутствие поблизости маршрутов общественного транспорта. До ближайшей остановки нужно прилично маршировать. Поэтому влюбленные и выбрали дом практически в одном дворе с офисом. Можно было найти и отдельную квартиру, но Маринке не хотелось терять время на дорогу до офиса. Она считала, что ей, пусть даже и недоучке, платят существенно меньше, чем она того заслуживает, и никак не желала тратить на работу ни одной минуты больше, чем требовалось. А от бабки Маши Пантелеевны она обещала съехать, как только подвернется первое же приемлемое по цене отдельное жилье.

А Эдику было все равно где жить, лишь бы с Маринкой. Они познакомились в поезде, когда оба возвращались из Москвы, где ехали в одном купе, – она гостила у подруги, он ездил по личному делу, смысл которого потерялся сразу же после встречи с Маринкой. Им повезло: соседи по купе ушли в вагон-ресторан и вернулись только после полуночи, так что они провели за бутылочкой коньяка незабываемый вечер, болтая без умолку. И вдруг оба пришли к выводу, что совершенно чужой и посторонний человек может оказаться родственной душой. Маринка, хоть и не была сногшибательной красавицей, но сразила Эдика своей раскованностью, легкостью, чертиками в глазах, веселым и дурашливым характером. Чем ее очаровал Эдик, ему самому было непонятно. Правда, девушка в первые же полчаса знакомства заметила, что попутчик похож на молодого Леонардо ди Каприо, но Эдик, сколько ни старался, не мог найти оправдания столь лестному сравнению. Впрочем, спорить он не стал: раз девушка считает, что похож, значит, так оно и есть. Наутро они обменялись телефонами, потом встретились и не расставались целый год. Комнатку у бабки Пантелеевны Марина, оказывается, присмотрела еще пару недель назад. И не только потому, что сейчас ей далеко было ездить до работы, но – главное – потому что отношения с родителями у нее разладились. Сосуществовать с ними на одной территории Марина больше не могла. Эдик по-быстрому собрал свои вещички, провел всю организационную часть работы, касающуюся переезда, и, будучи едва знакомыми, они зажили с Маринкой почти настоящей семейной жизнью. Эдик и так был счастлив, но оказалось, что судьба улыбнулась ему тогда не просто благосклонной улыбочкой, а прямо-таки во весь рот. Не успели они заселиться на бабкину территорию, как Эдику сказочно подфартило с работой. В общем, обстоятельства складывались как нельзя лучше, Эдик оказался в конторе на денежной работе, с новой возлюбленной скучать не приходилось, да и квартирная хозяйка не докучала. Глуховата она была или только придуривалась, но в молодую почти семью не лезла, не ворчала, наоборот – бывало, угощала солеными огурчиками, пирожками или домашней наливочкой. Эдик с Маринкой на такую бабу не могли нарадоваться, берегли ее, делали ей подарки: то халатик, то тапочки, то теплую кофту. А то просто домашнюю курицу с рынка принесут. Эдик поначалу ласково называл Маринку Марусей, но тут выяснилось, что старуху Пантелеевну соседи тоже часто так кличут, пришлось от Маруси отказаться в пользу общепринятого паспортного имени. Мариной Митрофановой ее звали. На взгляд Эдика, даже формально-паспортное это было чудесное, сладкое имя.

Вспоминая и анализируя каждое слово из разговора Биг-Босса с тем, кого тот назвал Тараканищем, Эдик все больше укреплялся в мысли, что телефонный собеседник шефа – это он, тот самый начальник фирмы, где по сей день работает Маринка, его любовь, при мысли о которой и сейчас щемило сердце. Что это значит? То, что у его конторы появился новый крупный клиент, Эдика не сильно волновало. Зато перед глазами постоянно стояла одна и та

же картинка: уютный дворик, в самой глубине которого уютятся два небольших соединенных особняка. А по левую руку хорошо сохранившийся, добротный жилой дом, где когда-то они с Маринкой... Но мысли сейчас были не о ней. В центральной части города, даже если это и не самый-пресамый центр, найти место для парковки практически невозможно. В принципе, платные парковки есть, но никогда нельзя спрогнозировать, будут ли на них в нужное время свободные места. Насколько Эдик помнил, водители из двух офисов Маринкиных работодателей решили проблему просто: купили годовой абонемент на парковку для машин руководства компании и забыли о проблеме. Визитеры фирмы решали вопрос сами как умели. Во двор вел узкий проход под довольно низкой аркой. Проехать-то можно, но дальше начнутся вопли: прямо перед домом, по правую сторону от проезда, имелась детская площадка, там с утра до вечера маячили горластые мамы. По левой стороне проехать было вполне возможно, но остановиться негде: проезд – или, что вернее, проход – мало того что узкий, но еще и ограниченный с одной стороны гаражными постройками. В общем, от места, где можно остановиться, до офисов пришлось бы пройти. Если бы без денег, то это недалеко. Если с сумками, то нет. В установленных Полканом правилах такого маневра, как блуждание между гаражами с крупной наличностью в руках, предусмотрено не было. Значит, тот, кто привезет деньги, должен будет остановиться за аркой, на улице. Либо на платной парковке, либо рядом с ней. Место там было, но стоял знак и постоянно шакалили эвакуаторщики. Вначале Эдик и сам не понял, почему он в таких подробностях вспоминает дворик, в котором когда-то жил, да прочие всякие детали. Например, такие. Он помнил, что зарплату Маринка получала в два приема: одну часть на карточку, другую в конверте второго числа каждого месяца. И за зарплатой кассирша с водителем ездили сами. Учитывая специфику организации, это было, конечно же, оправданно. В уютном тупичке располагались только руководство группы компаний «Перспектива», в которую входили два завода железобетонных изделий, два карьера, где добывали что-то необходимое в отрасли, ну и сама строительная фирма. Она была не из крупных, зато благодаря родственным взаимосвязям успешно осваивала госзаказы и для самой себя, и для заводиков и всяких прочих подразделений, которые в нее входили. Конкурентов-обнальщиков взяли как раз на таком вот заводике. Даже, правильнее сказать, не на таком, а именно на том самом. У них там был свой собственный выход на улицу. Если что не так: мы просто снимаем офис, никто не при делах. Но заводская территория охранялась, запросто туда не попадешь, одним словом – удобно. В конторе Эдика ни о какой раздаче денег из офиса не могло быть и речи: здание, где они снимали помещение, было совершенно стерильно, никаких потайных помещений, никаких охранников с собаками. Все цивильно, белые воротнички, планктон, одним словом – консалтинговое агентство. Сумки с наличностью водители-экспедиторы брали по специальному адресу, где имелись и автоматические ворота, и камеры, и бугаи-охранники в камуфляже со свирепыми собаками. В уважающем себя ЧОПе все это и должно быть. Все эти картинки так и крутились у Эдика в голове. А еще вопросы. В какой день поедут в «Перспективу»? Сколько денег повезут? Даст ли Полкан строгие инструкции по парковке? Сколько человек будет в машине, учитывая количество ковидных больных?

В конце концов ноги сами понесли Эдика к арке по адресу Липовый переулок, 9. Что его кто-нибудь узнает, он не особенно волновался, бейсболка и маска делают человека практически неузнаваемым. Молодые по улицам в масках не особенно ходят. Но если и встречаются такие, то на них никто не обращает внимания. Бережется человек. Бдительный. Маринка узнала бы его и в маске, и в чем хочешь, потому встретить ее не хотелось, особенно если она с этим своим новым... Как его? Неважно. Поэтому Эдик подождал окончания рабочего дня. У бабки Пантелеевны Маринка уже давно не жила, съехала сразу, как они расстались, а вот работать продолжала там же, карьеру делала, старалась, хорошая девочка. Как время приблизилось к семи, Эдик все-таки двинул в арку. Он еще ничего не решил, просто хотелось посмотреть, что там и как, не изменилось ли чего. Зашел, осмотрелся – все было, как раньше. Эдик

немного потоптался, окинул взглядом окна подъезда, в котором раньше жил. Решился. Если не подготовить почву сейчас, потом не будет смысла даже думать. Он нажал на кнопки, которые прекрасно помнил с прежних времен, и вошел в подъезд.

Возвращаться от Софьи пришлось пешком: такси Варвара себе позволить не могла, а транспортом давно уже не пользовалась из-за страха подцепить вирус. Оно вроде и неплохо – пройтись по хорошей погоде, но когда до дома было еще далеко, Варя почувствовала, что левая кроссовка разваливается прямо на ноге. Сама виновата, конечно, рухлядь надо выбрасывать вовремя, даже если не на что купить новое. Оказаться посреди улицы босиком – это для девушки совсем не комифо. Обувка стала шаркать, но Варя, сколько ни глазела по сторонам, не могла заметить ни одной скамеечки, где можно было бы присесть, оценить ущерб и сделать что-то, что помогло бы хоть как-то добрести домой. Так и шла. И чем дальше, тем сильнее хотелось плакать. Действие красного сухого, которым угостила за обедом Софья, закончилось, вернулась тоска. Хорошо хоть, что шла домой не голодная: сестра наделала таких замечательных куриных котлет, что об ужине теперь можно было не беспокоиться. Да еще и с собой дала упаковку сосисок и банку говяжьей тушенки. Денег у нее пока не было. Варвара потискала племянников, поиграла с диким котом-мизантропом Лобзиком, который Софью терпел как кормилицу, к детям относился снисходительно-гуманно из-за их возраста, а главу семьи высокомерно игнорировал. Варю Лобзик почему-то сильно уважал, давал почесать себе животик, точил когти о Варины джинсы, провожал в прихожую, в общем, всячески выказывал приязнь. Наслаждение общением с семьей сестры закончилось, когда домой вернулся Санек, Сонин муж, с которым у Вари была взаимная и пылкая антипатия. Как она могла выбрать такого дурака? Этого Варвара никогда не смогла бы понять. Санек был здоровый, как кабан, и простой, как сатиновые трусы. Он мог сожрать за ужином полкило картошки с целой свиной рулькой и выпить ведро пива. Он много работал, любил детей, решал все домашние проблемы. Только говорить, видимо, не умел. Во всяком случае, Варе его речь приходилось слышать, слава богу, крайне редко. Если он хотел выразить какие-то чувства и эмоции, они красноречиво отражались у него на роже и слова ему были при этом не нужны. Как они с Софьей, такой образованной и начитанной, вообще нашли общий язык? Впрочем, Соня была некрасива, и сама этим обстоятельством объясняла многое в своей жизни.

Ну ладно, пусть Соня действительно не слишком хороша: нос у нее – семерым рос, да одному достался, ротик маленький, невыразительный, волосы реденькие, красные прожилки на коже лица (по науке – купероз). Зато Софья умна и образованна, деятельна и креативна, как теперь говорят. И на своей некрасивости совершенно не заикливается, не делает из нее проблемы, да и подать себя умеет. За стильной укладкой не видно, что у волос отсутствует пышность, и макияж она умеет сделать так, что и нос вроде не такой уж большой, и ротик не такой уж и маленький. А сама Варвара? Оценить свою внешность объективно Варя никогда не могла. Иногда она себе нравилась. Когда в жизни происходило что-то радостное, хорошее, она как будто светилась вся изнутри, горел в ней какой-то огонек, от которого глаза сверкали, щеки румянились и лицо делалось какое-то такое... Хорошенькое, что ли. Но если огонек потухал, Варя превращалась в маленькую, серую, тощую мышь. Наступишь – не заметишь. Наверное, она не глупее своей сестры, и уж точно не уродливее, но чего-то важного в ней нет. Нерва какого-то. Какой-то жилки. Какой-то движущей силы, которая помогла бы найти мужчину, получить работу. И как следствие – радоваться жизни. Одним словом, что-то в ней было не так.

К счастью, кроссовка окончательно развалилась, когда девушка, поглощенная невеселыми мыслями, уже входила в арку своего дворика. Варя допрыгала до подъезда на одной ноге, сняла рванье и пошла по лестнице босиком. Засунула «добычу» в холодильник, включила ноутбук, стала думать, что с собой делать. Хотя что тут думать-то? Все равно ничего не придет в голову. Если уж за столько времени не пришло... Варвара даже не сразу поняла, какой

звук вырвал ее из липкой безысходности очередного одинокого и пустого вечера. Домашний телефон звонил так редко, что она совершенно забыла, как он звучит. Варвара вздрогнула и поплелась к телефону.

– Варварочка, – услышала она в трубке голос своей соседки с нижнего этажа Марии Пантелеевны, – у меня тут беда.

– Вы меня пугаете, что случилось? – насторожилась Варя.

– Тонومتر мой приказал долго жить, – скорбно сообщила старушка.

– А батарейки проверяли?

– Нет, я не знаю, как это...

– Я сейчас спущусь, – сказала Варя и положила трубку.

В тумбочке, по счастью, нашлись подходящие батарейки, Варя надела шлепанцы и пошла к бабке, довольная тем, что хоть на короткое время нашлось чем себя занять.

Она оказалась права: батарейки в тонometре отслужили свой срок, пришлось заменить их на новые.

– Сто семьдесят на сто – это высоковато, – резюмировала Варя, измерив старушке давление, – где у вас «Конкор»? Или надо сходить купить?

– Так я и знала, что высокое, и сердце выскакивает, – захныкала соседка, – чувствую, что пора мне собираться...

– Тетя Маруся! – строго прервала ее Варя. – Вы ведь не полоумная старуха, не неграмотная деревенщина, а любите всякую ерунду говорить. Почему сразу собираться? Возраст у вас еще вовсе не критический, да и давление не настолько высокое. Если волнуетесь, давайте я «Скорую» вызову. Хотя мне кажется, что лучше принять таблетку, а то с этим ковидом неизвестно, сколько они будут ехать и приедут ли вообще... Раньше же вам «Конкор» хорошо помогал, правда?

– Да, милая, – согласилась соседка, – он там, в прикроватной тумбочке.

Варвара отправилась в спальню, порылась в ящичках и быстро отыскала нужную упаковку. Подала бабушке стакан воды.

– Что, сын приезжал? – спросила Варя.

– С чего ты взяла? – удивленно отозвалась Мария Пантелеевна, проглотив таблетку. – От него, пожалуй, дождешься. Вот если я и правда соберусь, тогда он мгновенно прибежит, в наследство вступать. А без такого повода что ему тут делать?

Бабушка горько вздохнула. Ее сын давно уже настолько отдалился от матери, что поздравлял далеко не с каждым праздником, в гости показывался раз в году в лучшем случае. Проживал он где-то в районе области, менял семьи, ни в одной подолгу не задерживался, не запойно, но прилично выпивал. Мать считала его совсем пропащим.

– Да просто перед дальней комнатой сумка стоит, – пожала плечами Варвара, – вот я и подумала.

– Да брось ты, – шикнула старушка, – скорее Аришка заговорит, чем он просто так ко мне приедет.

Аришка, кошка изумительной красоты и пушистости, услышав свое имя, еле слышно мяукнула из кресла и широко зевнула. Поняла, что от нее ничего не хотят, и прикрыла глаза.

– А сумка эта Эдика. Помнишь, у меня парень с девушкой жили, комнату снимали?

Варя помнила, но смутно. Были вроде какие-то жильцы, но внимания на них она не обращала – не было повода.

– Хорошая такая парочка, – продолжала бабка Маруся, – спокойные, аккуратные, внимательные. И жили они душа в душу, я думала, поженятся. А потом вдруг неожиданно так взяли и съехали. Сначала Эдик, а потом вслед за ним девчонка тоже ушла. Другого кого-то нашла, он ее вещи забирал.

Варваре история съехавших жильцов была не слишком интересна, но не обрывать же одинокого человека на полуслове. Старушка себя плохо чувствует, во двор не выходит, пообщаться не с кем. В общем, Варвара просидела у соседки еще полчаса, думая о чем-то своем.

– Так этот Эдик к вам возвращается? – вынырнула Варя из своих невеселых мыслей.

– Еще и сам не знает, занес только самое необходимое, говорит, все, мол, от обстоятельств зависит. На днях, мол, решится. Хорошо, если он заедет, – размечталась старуха, – и копейка лишняя, и купить, если что будет нужно, он никогда не откажет. Хороший мальчик, добрый.

– Если и не заедет, не беда. Все, что вам нужно, и я смогу купить, стоит только сказать. Через полтора часа я зайду, еще раз измерю давление. А вы пока постарайтесь ни о чем плохом не думать. Все будет хорошо. Договорились?

Бабушка согласно кивнула и позвала кошку Аришку к себе на диван.

Сегодня соседка Варваре решительно не понравилась. Вообще-то Маруся Пантелеевна была живой, общительной, шепотливой старушкой. Она являлась специалистом по выращиванию комнатных растений и охотно делилась ростками со всеми желающими. Когда работники ТСЖ ленились, ссылаясь на свою величайшую занятость, собирала подписи жильцов для какой-нибудь общественной пользы. Кормила дворовых собак и кошек. И Аришку пригрела, когда никто почему-то не хотел забирать домой ангельской красоты котенка, откуда ни возьмись появившегося на улице. Варя и сама положила глаз на беспризорную малышку, но неожиданно загремела в больницу как раз в тот день, когда приобрела в зоомагазине кошачий лоток.

Когда Варя вернулась из больницы, котенка во дворе уже не было, и только несколько дней спустя она узнала, что маленькую беспризорницу забрала к себе Маруся Пантелеевна.

Сегодня у старушки как будто погас свет в глазах. Она казалась не просто вялой и слабой, а какой-то безжизненной. На самом деле Варя не знала, сколько ей лет. Может, она правда «засобиралась»? Будет жаль, хорошая была соседка. «Вот черт, – одернула себя Варвара, – разве можно говорить в прошедшем времени о живом человеке? Хорошо, что этот ее бывший квартирант, как его там, вернется. По крайней мере, Маруся не будет одна». Варя решила, что сразу же даст парню свой телефон и проинструктирует на случай, если старушке станет плохо.

На какой именно день Случай назначит свое явление, Эдик примерно догадывался. Если он прав, то деньги в «Перспективу» повезут второго июля, именно по вторым дням месяца Маринка получала конвертную часть своей зарплаты. Что денег будет много, тоже было ясно как божий день: в двух офисах располагалось все руководство пары заводов, добывающих карьеров, строительной фирмы. А о том, какие боссы получают зарплаты, Маринка говорила, закатив глаза. О тщательной подготовке к проекту, когда на все про все тебе три дня, не могло быть и речи, надо было продумывать план на ходу. Эдик несколько раз наведывался во двор и точно установил, какая часть территории находится вне пределов досягаемости камер наблюдения. Это как раз было не трудно. Сложность возникла с помощником. Провернуть все в одиночку казалось слишком рискованно и дерзко, и у Эдика созрела мысль подключить к работе подходящего человечка. Но где они – подходящие? Мелькнула мысль о приятеле из прошлой жизни, который казался надежным, но по размышлению Эдик ее отбросил. Во-первых, тот был именно из прошлой жизни. А если он вздумает прихватить сумки и отвалить? Где тогда его искать? Еще хуже будет, если он тукнет Эдика по башке не для мизансцены, а по-настоящему. Ладно, если окочуришься на месте, а если останешься на всю жизнь идиотом? Или инвалидом каким-нибудь? Хотя и окочуриваться, если честно, не больно хотелось. С этим всегда успеется, Эдик не торопился. Придется действовать самому. Ничего, глаза бояться – руки делают.

Моля бога о том, чтобы бабка Маруся была жива, не находилась в больнице и не взяла новых жильцов, Эдик навестил старушку. Чтобы во дворе никто его не узнал, нацепил бейсболку, закрыл лицо маской почти до глаз. Когда бабка открыла дверь, заулыбалась, обрадовалась, у Эдика отлегло от сердца. Это означало, что судьба ему благоволит. Теперь уж точно

стало ясно, что пропустить Случай нельзя. Другого такого не будет. Мария Пантелеевна охотно согласилась принять жильца, и Эдик сразу оставил у нее сумку, в которую, тщательно продумав, уложил все, что ему понадобится, если придется некоторое время отсиживаться в четырех стенах – кто знает, как там все повернется? В ближайшем супермаркете он купил десять упаковок компактной, легкой на вес и сытной рисовой лапши с острым соусом «Том-ям», которую очень уважал, две палки сыровяленой колбасы, несколько упаковок куриного карпаччо, тоже очень удобного и не занимающего в сумке много места. Немного подумал и решил прихватить еще большую бутылку виски – все-таки стресс. А пока уложил пару маек, сменное белье, легкие джинсы и бритвенные и туалетные принадлежности. На случай, если придется отсидеться, больше ничего и не надо.

Идеальный вариант, конечно, виделся Эдику другим, таким, при котором отсиживаться не придется. Прятаться без того, чтобы иметь надежные пути отхода, не хотелось, ведь скрываться придется даже не от полиции, а от Полкана, а это представлялось перспективой не слишком приятной. Вернее, это была опасность, и очень серьезная. Скрыться от такого бультерьера, не имея четкого плана, будет сложно. Чтобы сесть в первый попавшийся бла-бла-кар, как ни крути, нужен телефон, а от него придется отказаться, ибо по мобиле его вычислят мгновенно. Ну да ладно, если пойдет по плохому варианту, он что-нибудь придумает. У него же будут деньги, а с ними думается легче, чем без них.

Но лучше бы, конечно, ему поверили. Чтобы все было натурально. Как будто ему приснули в лицо из баллончика и оглушили для верности. Ударить сам себя он не сможет, но разыграть сотрясение мозга запросто – уже приходилось, была как-то раз нужда, и ничего, за милую душу поверили. А вот баллончиком в морду приснуть придется, тут уж ничего не попишешь. Но сделать это нужно будет уже после того, как он бросит сумки бабке в квартиру, не раньше. Потому как реакцию свою он предсказать не может. А вдруг так и сядет в соплях и слезах, ревуший, как белуга, на земле вместе с сумками? Нет, так рисковать нельзя. Но бабка живет на втором этаже, ключ у него есть, забег займет несколько секунд, он уже проверил.

План, конечно, был сырой, подводных камней таил в себе множество. Например, такой. Вот придется ему все-таки отсиживаться, значит, его будут искать, ходить до дому, фотографии показывать. Что, если бабка ляпнет что-нибудь? Даже если он ее предупредит, вдруг выдаст чем-нибудь его присутствие? Не актриса ведь. Или другое. Что, если Полкан не поверит в нападение, посадит его под замок и станет искать деньги по дому? Ведь найдет, это как пить дать. Эдик прокручивал в голове разные возможности: если поверят, если заподозрят наличие сообщника, если станут искать поблизости, то есть в доме... И по-всякому выходило, что делать так, чтобы поверили, опаснее. В квартире старухи хранилище ненадежное, если на деньгах будет сидеть он сам. Значит, смываться надо той же ночью. А если они выставят ночной пост? Да не если, а точно выставят. Полкан такую оглушительную оплеуху себе по морде терпеть ни за что не станет, землю и воздух перевернет. В итоге Эдик решил действовать так, как подскажет Случай. Всего все равно не предусмотреть. Тем более что и времени нет. Только одну возможность Эдик рассматривать не стал: отказаться к чертям собачьим от всей этой опасной и безумной затеи. От отогнал от себя трусливую мысль. Кому зря Случай бы не выпал. А раз выпал, значит, он, Эдик, наконец-то избран Судьбой для какой-то иной жизни. Это Эдика Полкан может раздавить, как вредное насекомое, тут много ума не надо. А вот с самой Судьбой тягаться – это даже ему, старому цепному псу, не по зубам.

Когда Эдику было семнадцать лет, ему пришлось оперировать правое колено, удалять травмированный мениск. В то время он еще был домашним ребенком, и травма была получена не в какой-то там драке с подростками, а все чин по чину – на тренировке, как полагается хорошему мальчику. Операция ему предстояла легкая, не как раньше – с разрезом в полколена и восстановительным периодом на костылях длиной в три месяца. Теперь за деньги или

по квоте удалить разорванный мениск можно при помощи артроскопа. А это две крохотные дырочки и всего неделя на костылях. Можно потерпеть.

Почему в то утро Эдик проснулся с мыслями о той операции и его никак не отпускали воспоминания о каждом мгновении перед предстоящим вмешательством? Это все-таки была не пересадка печени, не операция на сердце, почему же он тогда так волновался? Эдик боялся наркоза. Страшился не вынырнуть из забытья, в которое его собрались погрузить. Да, он боялся неизвестности, черноты, в которой он должен был оказаться, и момента своего пробуждения. Наступит ли оно? Вынырнет ли он из черной воды небытия? Эдик очень отчетливо помнил то утро перед операцией. Как он проснулся в палате, где прислоненными к стене его уже дождались костыли. Он не ел и не пил, надел новые трусы и чистую майку, получил какой-то успокаивающий укол. И ждал, делая вид, что читает анекдоты в журнале. И когда настала его очередь, о чем возвестило громыхание каталки, которую везли из операционной, за ним пришла медсестра, и он поднялся и поковылял за ней, не видя пола под ногами. Помнил комнатку перед операционной, где оставил свой халат, приглушенные голоса хирургов и то, как ему помогли лечь на операционный стол.

Тогда он вынырнул. И сейчас вынырнет. Мешала одна мысль, которая становилась с каждой минутой все настойчивее. Его план имеет, наверное, множество недостатков, о которых он пока не догадывается, но одно белое пятно все шире и шире расплывалось перед глазами, и Эдика охватывало чувство, как тогда, перед операцией на колене: решимость сделать все как надо и сопровождающий ее безотчетный животный страх. Белое пятно жгло глаза с самого раннего утра, когда он еще и проснуться толком не успел. И Эдик понял, что поступать так, как было задумано, он не станет. Идея с газовым баллончиком никуда не годится. Допустим, он распылит его себе в лицо и бросится за помощью в офис «Перспективы». Как отреагирует охранник? Сколько ему потребуется времени, чтобы понять и оценить ситуацию, чтобы выполнить просьбу Эдика и вызвать по телефону Полкана? И окажется ли он вообще способен что-то уяснить или попросту вышвырнет его из офиса? А если не вышвырнет, сколько будет ехать Полкан? Сколько бы времени ни ушло на все это, к моменту встречи с Полканом Эдик уже будет как огурчик. Действие газа из баллончика не длится вечно. Конечно, охранник, если он вообще окажется толковым, расскажет о том, в каком состоянии Эдик приполз в офис. Но человек привык доверять своим собственным глазам и ощущениям, а к моменту прибытия Полкана Эдик уже не сможет внушить ему ни жалости, ни сочувствия. Так что на доверие и благоприятный настрой начальника службы безопасности рассчитывать ему не придется. Значит, план не годится и изображать потерпевшего перед ушлым бывшим ментом равносильно самоубийству. Как бы Эдик ни хорохорился с вечера, как бы ни уговаривал себя, что тягаться с Судьбой Полкану не по силам, но следовало признать, что между Судьбой и Полканом все-таки стоит он сам, Эдуард Погорелов. А находиться меж жерновов ему не хотелось. Он не трус, он нормальный пацан. Но страшно в такой ситуации было бы любому нормальному пацану. Так что стыдиться тут нечего, нужно бежать. Сначала спрятаться у старухи, а потом вынырнуть и сделать ноги. Поднявшись с кровати, Эдик наскоро принял душ, оделся, выгреб из квартиры всю заначку и помчался к своему старому приятелю, которого изначально хотел привлечь в качестве помощника. Наплел с три короба про то, что слегка напортачил на работе и хочет ненадолго залечь на дно. Но кто ж тебе продаст свой телефон, если в нем все контакты, номера, фотографии? Пришлось пообещать дружбану десятку, если он прямо сейчас, сию минуту, пойдет с ним в салон и купит на свой паспорт новый смартфон. Приятель, понятное дело, ничего такого с утра не планировал, но десять тысяч, согласитесь, на дороге не валяются. Хорошо, что ближайший салон работал с девяти утра и не пришлось ждать. На работу Эдик приехал с новым телефоном, и это было очень важно, потому что никакой план побега неосуществим без возможности в любой момент выйти в интернет, чтобы узнать адрес, проложить маршрут, заказать такси, бла-бла-кар, билеты на поезд или еще что-нибудь. Стало спокойнее. Как тогда,

после укола, который поставила ему медсестра перед операцией. И дальше пошло почти как тогда. Эдик помялся какое-то время у конторы, потом получил задание, взял на борт напарника, доехал до ЧОПа, получил сумки с деньгами и только после этого принял звонок с адресом. Это правило безопасности ему было только на руку: никому ведь не могло бы прийти в голову, что он случайно слышал разговор Биг-Босса, понял, с кем тот договаривается, и сделал свои выводы. И напарник совсем не мешал, если все пойдет как надо, он будет свидетелем, что дежурство проходило в штатном режиме. У заветной арки Эдик присвистнул, будто находится тут первый раз.

– Э, да тут эвакуаторы снуют, знак, – он ткнул пальцем в стекло.

– Ну, ты давай тогда по-быстрому, а я в машине побуду, – отозвался напарник.

– Закройся и не открывай, если подойдут. Или отъезжай, сделай кружок, а я бабки сдам и подожду тебя.

На том и договорились.

Эдик спокойно, чтобы не привлекать излишней суетой ничьего внимания, пошел по направлению к офису, не доходя свернул. Он знал, что камеры его не видели, и пока что в их поле зрения он попасть не мог. Там, где дорожка раздваивалась, он остановился и выкинул такую штуку. Экспромт не экспромт, но Эдик аж слегка взвизгнул – не от боли, нет, от осознания своей гениальности. Пока его дружбан оформлял в салоне покупку смартфона, Эдик зашел в соседний аптечный киоск и купил иголки, которые диабетики вставляют в специальные приборчики для забора крови и измерения уровня сахара. Мама диабетиком была, в свое время насмотрелся. Быстро вытащил две иголки, ткнул в палец, выступили сочные капли. Эдик еще подавил, выступили еще. Он размазал кровь по светлому чехлу от смартфона и бросил аппарат на пыльную землю, но не прямо на дорогу – подберут еще до Полкана, а в кусты. Чтобы создавалась иллюзия, будто на него напали. Ударили, а телефон бросили в кусты. Он сопротивлялся, оттого и кровь. Пока так, а дальше посмотрим.

На все эти манипуляции ушло не больше минуты, после чего Эдик спокойно вошел в подъезд, поднялся на второй этаж, позвонил.

Глава 2

Он не любил свой кабинет, хотя тот был удобным, современным и в нем имелось все, что нужно для работы. Но это было просто помещение, без души и не для радости. Просто некая комната, пригодная для определенных целей. Никогда он не чувствовал себя здесь уютно или даже просто комфортно. Да и бывать в офисе он старался как можно реже и подолгу не задерживался: проводил необходимые переговоры, раздавал указания, выслушивал информацию о проблемах, если таковые имелись, принимал решения. Он вообще не любил эту часть своей жизни и мирился с необходимостью ее вести только из-за денег. Но деньги были существенные, без них той жизни, какую он любил, не было бы вовсе. Он просто ее не потянул бы. Строго говоря, он вообще ничего бы не потянул. Ни свое безумно дорогое жилье, ни сверкающую машину, которую обожал, ни пятизвездочные отели на островах, ни дорогие рестораны, ни то блаженство, которое испытывал, когда просто ничего не делал. Да и тот, другой кабинет, в котором он не столько работал, сколько отдыхал душой, он тоже бы не потянул. Так что выбора не было. Хочешь выжить – будешь заниматься тем, что дает такую возможность.

До сегодняшнего дня каких-то серьезных неприятных сюрпризов эта работа не приносила, схема была отточена, она работала, винтики вертелись, денежки капали. Бизнес разрабатывал и довел до безупречной четкости безотказно функционирующего, хорошо смазанного рабочего механизма его двоюродный брат, Виктор; он сам выполнял только ту часть работы, которая касалась поиска новых клиентов, потому что вращался в каких надо кругах, имел безупречную репутацию и обширные связи. Это была важная часть бизнеса, тем более что с некоторых пор Виктор сам этим заниматься не мог: помешали полгода в изоляторе, еще столько же под домашним арестом. Потом был суд и приговор за мошенничество. Репутация оказалась не просто запятнана, а скорее смыта грязевым потоком показаний, прозвучавших в суде. Нет, Витя не отошел от дел, он все контролировал и во все вникал, но текущей работой, общением с людьми уже не занимался. Да и жил он теперь не рядом, это тоже нужно было учитывать. Короче, контролировать все каждодневные процессы пришлось самому. Ему это не слишком нравилось, потому что он не любил риск. Но очень любил деньги, поэтому пришлось мириться с его постоянным присутствием в повседневной жизни. Хотя постепенно он настолько втянулся, что неприятные моменты почти перестал замечать.

То, что произошло сейчас, случилось в конторе впервые и было настолько ошеломляющим, что он даже не смог бы описать свою первую реакцию. Удивление, растерянность, шок? Когда Полкан, это непробиваемый человек, сказал по телефону, что ему необходимо срочно прибыть в офис, он почувствовал, что случилось что-то из ряда вон выходящее, хотя голос бывшего мента звучал ровно. Но по какой-то гулкости, по рваной краткости фраз он понял: это серьезно. Полкан закончил свой рассказ и теперь сидел перед ним, жуя губы и стараясь не смотреть в глаза.

– Ситуация не рядовая, давай еще раз проясним некоторые детали, – сказал он, пытаясь не подпустить панику, хотя для нее были все основания, и вести разговор в режиме хоть и чрезвычайной, но все же рабочей ситуации, – ты уверен, что техника безопасности была соблюдена?

– Абсолютно, – уверенно кивнул Полкан, – сотрудники получили адрес в тот момент, когда погрузили в машину сумки с деньгами.

– Значит, второй сотрудник утверждает, что остался в машине из-за нежелания оставить эвакуаторщикам? Ты ему доверяешь? Он давно у нас работает?

– Три года, – пожал плечами Полкан, – до сих пор никаких нареканий к нему не было. Парень нормальный, уравновешенный, живет по средствам, имеет жену и маленького ребенка. Семью любит, запрещенных веществ не употребляет.

– А тот, кто пропал?

– Он тоже уже почти два года с нами. Одиноким, без семьи, не особенно общительный, но у нас других и нет, сам понимаешь. Мы не поощряем. Ни в чем подозрительном никогда замечен не был.

– Значит, никто из них не мог узнать адрес заранее?

– Это совершенно исключено, – отрезал Полкан.

Он задумался. Чтобы расшевелиться, пошел к окну, подвигался. Давно заметил за собой такую странность: как только он замирает в одной позе, мысли застывают вместе с телом.

– Надо проверять «Перспективу», – наконец произнес он, встряхиваясь, – я не знаю, как у них там все организовано и кто имеет доступ к информации. Если круг таких людей не ограничивается руководством и кассиром, то сам понимаешь...

– Я бы тоже так подумал, – замялся Полкан, – но меня смущает исчезновение этого нашего экспедитора.

– Хорошо, расскажи, как все было еще раз, в деталях.

По словам Валерия Палыча Смолкина, Полкана то есть, все шло штатно. Парни сели в машину, доехали до ЧОПа, погрузили наличность и получили адрес. Ехали без происшествий и отклонений от маршрута, в пути почти не разговаривали, разве что о малолетних лихачах, которые безобразничают на дорогах. Остановились перед аркой, которая ведет во двор, в глубине которого располагается офис «Перспективы». Прямо под знаком. По этой причине вдвоем из машины выходить не стали, так как в машине, кроме сумок для «Перспективы», был пакет для еще одной фирмы. Оставлять его в машине парням не хотелось. Таким образом, Эдуард Погорелов пошел в офис, а его напарник – Леня Черняк – остался ждать в машине, глядя по сторонам, чтобы не подпустить эвакуатора, которыми этот участок действительно кишмя кишит. Через несколько минут он заволновался, стал звонить Погорелову. Когда тот не ответил на три вызова, все-таки закрыл машину и вышел из нее. Вошел в арку, еще раз набрал номер и вдалеке услышал мелодию звонка своего напарника. Пошел на звук и в траве обнаружил телефон, на чехле которого имелись свежие капли крови. После этого он осторожно взял аппарат и вернулся в машину, сразу же позвонив начальнику безопасности, то есть ему, Полкану. Вот, собственно, и вся диспозиция. Ах да, в конторе «Перспективы» Эдуард Погорелов не был, видеокамеры, установленные на входе в офис, его появления не зафиксировали.

– Я тебя оперативной работе учить не буду, сам все знаешь, но давай мы все-таки определим главные направления, согласен?

Полкан кивнул. Он нервничал, и это было понятно: за весь период его работы в конторе не происходило ничего экстраординарного. Ни одного ЧП. Ни одного случая, за который ему могло бы быть стыдно. Ни одного происшествия, за которое пришлось бы оправдываться. А тут...

– Мальчик не мог подготовить преступление, у него не было информации, значит, либо он действовал спонтанно, либо действовал не он.

– Что значит спонтанно? Разве такие вещи можно проверить на ходу?

– Не думаю, – пожал плечами Полкан, – но исключать ничего пока не будем. Спонтанно – это значит, что мысль об ограблении пришла ему в голову уже на адресе. Допустим, если он там живет. Или там у него любовница, родители, друг, да хрен его знает кто еще... На подъезде к адресу его внезапно осенило, и он решил забрать деньги и спрятаться. Версия слабая, но все может быть. Будем проверять.

– Ни один вменяемый человек не станет вытворять такое на территории, к которой он как-то привязан, и это можно установить. Версия действительно слабая.

– А в Афонине ты уверен? – взглянув как-то исподлобья, спросил Полкан.

– О господи, я аж вздрогнул... Афонин не мог. Устроить такое под своей крышей, в своей среде? Нет. Не может быть.

– Тогда надо проверить его людей, – продолжил Полкан, – может, кто-то из них был как-то связан с этим нашим Эдиком... Я вижу, ты и сам о чем-то задумался... Витя знает?

Хозяин кабинета коротко кивнул.

– Витя знает, я сообщил.

– Сильно разгневался?

– Я бы не сказал.

Он помялся немного, сомневаясь, стоит ли озвучивать версию брата на данном этапе, и решил, что не просто стоит, а даже необходимо. После ареста конкурентов в городе осталась только серьезная контора, работающая с наличкой по-взрослому. Остальные не стоили внимания, поскольку все это была шушера, просто зарабатывающая на хлеб насущный. Виктор предупредил: в соседней области набирает силу фирма, которая ставит целью подмять под себя самых серьезных клиентов чуть ли не всего ЦФО. Ребята молодые, дерзкие, амбициозные, никого не признают и ни с кем не считаются.

– Не исключено, что к недавним неприятностям наших конкурентов приложили руку именно они. Многие считают, что это ты поработал, но мы-то с тобой знаем, что это не так. Еще Витя высказал предположение, что если они собираются внедриться на нашу территорию, то вполне могли бы начать с такого вот фортеля.

– Ну да, логично, – кивнул Полкан, – отбить старых клиентов не так просто, а вот прибрать тех, кто работал с нашими конкурентами, чтобы обгадить нас на самом первом этапе, – это совсем другое дело. Теперь с нами могут просто не захотеть работать.

– Вот именно.

– И если Витя прав, шеф, то нам надо как-то с ними разбираться.

– погоди разбираться-то, – хмыкнул шеф, – чтобы разбираться, нам нужно исключить другие варианты. А их может быть несколько. И самый реальный – это что нас ограбил водитель Эдик, которого посетило спонтанное, как ты говоришь, озарение. Хотя идти на ограбление, если он там живет, это просто безумие, такое может прийти в голову только полному идиоту. Да, кстати, Палыч, он не идиот?

– Да вроде нет, – пожал плечами Полкан, – а там кто его знает... Но вообще-то у нас есть такое правило: когда человек приходит на работу, он указывает место жительства, даже если это съемное жилье. И мы проверяем. Он живет в квартире своего родного брата, который уехал куда-то за границу. Если только кто-то еще в том дворе живет...

– Там во дворе два жилых дома, так ведь? Тот, что справа от офиса «Перспективы», и тот, что по левую сторону. Насколько я помню, они и образуют букву «Т» с аркой посередине.

– Примерно так, – подтвердил Полкан.

– Значит, нужно проверять два дома.

– Это само собой. Существует и другая вероятность. Что этот Эдик знаком с кем-то из «Перспективы», кто знал о том, что они стали нашими клиентами. И в день зарплаты просто сложил два и два. Так что нужно, чтобы Афонин предоставил нам возможность опросить сотрудников офиса. Причем всех.

– С Афониным я договорюсь, – кивнул хозяин кабинета, – и я понимаю, что тебе будут нужны люди.

– Здесь, в конторе, специалистов такого профиля у меня нет, – подтвердил Полкан.

– И я о том же. Есть у тебя кто-то на примете?

– Есть, – уверенно ответил Полкан, – мне нужны двое. Что я могу обещать им в смысле гонорара?

– Соглашайся на любые условия, потому что дело нужно делать очень быстро. Чтобы погасить с Афониным, Виктор дает свои деньги. Но ты сам понимаешь, что он не благотворитель, просто так такие суммы никому не дарит. Это временное решение проблемы. И нам

нужно отработать ее как можно быстрее. Витя нас, конечно, не убьет, но мы можем остаться без источника дохода. Ты меня понимаешь?

– Чего уж тут непонятного?

– Докладывай, как только что-то появится, потому что Витя будет держать меня за горло.

– Да я понял, – сказал Полкан, вставая со своего места, – тогда не будем тратить время.

– Да уж, это время сейчас очень дорого стоит.

У него не было оснований не доверять компетентности Палыча. От Полкана не так легко спрятаться, он свое дело знает. Почему же его охватило такое мучительное чувство, которое он даже не знал, как правильно назвать, вот что понять хотелось бы. Что это: ярость по отношению к дерзкому грабителю? Нет, не похоже, признаков бешенства он как раз не чувствовал. Он не сироткам подарки вез, чего уж тут пылать праведным гневом? Всякий зарабатывает свой хлеб, как может. Возмущение наглостью возможных конкурентов, которые могут появиться на его территории? Это, пожалуй, было ближе. И все равно не совсем то. И тут он понял. Это не ярость и не гнев, это страх лишиться бизнеса, панический ужас перед потерей источника дохода, который дает ему все в этой жизни. Он мог предать свою любовь и оказывался преданным сам, и то, и другое с ним уже случалось. Он бывал брошен друзьями и рвал отношения по своей инициативе. Он перетерпел усыхание профессиональных амбиций и интересов, он уже смирился с угасанием азарта и воли к победе – в чем бы она ни выражалась, хоть в большом, хоть в малом. Даже за семью он не стал бы бороться с такой неистовостью, ему проще было выбрасывать сердца тех, кто мешал или требовал слишком многого. Деньги оставались единственным, чем он дорожил по-настоящему. Деньги не предадут. Они либо есть, либо их нет. Они ближе, чем друзья, и дороже, чем самая пылкая любовница. Они надежнее семьи и прекрасней творчества. В какой-то момент деньги заменили ему все: семью, любовь, счастье от общения с близкими, творческие порывы. У него осталось только то, что дают деньги, но этого было ох как немало. Свобода от тяжелых мыслей, ненужных связей, рутинных необходимостей и хлопот. Свобода выбирать время и место. Свобода ни от кого не зависеть. Чувствовать себя легким и ни к чему не привязанным. Свобода ни перед кем не отчитываться и не чувствовать себя никому обязанным. Потерять деньги для него значило лишиться всего.

Затаившись в своей комнате, Эдик поначалу боялся подходить к окну, однако потом немного осмелел. Он видел, как приехал Полкан, как тот осматривал кусты, в которые он скинул телефон, как внимательно изучал двор и стоящие в нем дома (тут Эдик, конечно, мгновенно отлип от окна, от страха аж муравьи по телу забегали). Потом он долго говорил с бледным как полотно напарником, пошел в офис «Перспективы». Когда вернулся, снова обошел двор, еще раз внимательно огляделся и скрылся в арке. Уехал, значит.

Устроившись на кровати со стаканом виски и бутербродом, Эдик стал думать. Первым делом решил поставить себя на место Полкана: что тот будет делать на самом первом этапе его поисков? Поищет во дворе, это как пить дать. Наймет людишек, даст им фотографию и пошлет опрашивать жильцов: не известен ли им такой гражданин. А уж повод для опроса придумает, это не бог весть какая сложность. То ли пропавшего ищут, то ли афериста, который обманывает старушек. Значит, долго у Пантелеевны рассиживаться нельзя. Сама-то она болеет, на улицу не выходит, жалуется на давление, одышку и головную боль. Хорошо хоть не просит сходить за продуктами, у нее и морозилка забита до отказа, и крупы в кухне полный шкаф. Но соседи-то на что? Конечно, Эдик от старушки уже больше двух лет назад съехал, вряд ли он кому-то запомнился. Внешность у него самая обычная, в глаза не бросается. Да и не знакомился он ни с кем, и не ругался, слава богу. Но все равно может случиться, что какая-нибудь досужая тварь вспомнит, что «да, кажется, жил тут такой паренек». А от этого уже недолго выяснить, у кого именно жил. Погода, к счастью, имела тенденцию к ухудшению, на улице моросило,

поднялся противный порывистый ветер. А на завтра и вовсе обещали бурю не бурю, но какую-то гадость: ветер до 20 метров в секунду, грозу и дождь. Это было хорошо, потому что в такую погоду даже собачники стараются поскорее вывести своих псов, а просто так никто по двору не шляется, опрашивать жильцов будет проблематично. Двери давно уже незнакомым никто не открывает, так что о полноценном поквартирном обходе Полкану и мечтать нечего. Так что время есть, но его не очень много, потому Эдик постановил себе так: сегодняшнюю ночь ни о чем не думать, чтобы хорошо выспаться, а завтра со свежей головой проложить маршрут отступления. В конце концов, все не так уж плохо, первая часть грандиозного проекта ему уже, считай, удалась. И дальше все пойдет как по маслу. Раз уж Случай его выбрал, то явно не для того, чтобы ткнуть мордой в навоз. Заснул Эдик спокойно и с улыбкой на лице.

Однако во сне, посреди обрывочных, не связанных между собой видений, к нему прицепилась липкая, тягучая обида. Ведь неплохо же они с Маринкой жили, неплохо! Любили друг друга, наедине не скучали, вместе веселились и радовались, не ссорились, друг на друга не орали, как некоторые. Сказать, чтобы нищенствовали, так опять же нет. Когда ей хотелось, заказывали на ужин роллы с копченым угрем и креветками, а в другой раз шли пить вкусный темный бельгийский эль в одно очень уютное кафе. Мечтали поехать в Грецию, и поехали бы, если бы все так и шло. Как она могла подпустить к себе кого-то так близко? И когда только успела-то, ведь они все время были вместе? Тут Эдик окончательно проснулся, потому что то ли в дреме, то ли между сновидениями ему явилось нечто ужасное. Похуже цунами или какого-нибудь землетрясения, а именно – последнее Маринкино письмо. Вспоминать и уж тем более цитировать его смысла теперь уже нет, и так за ноутбуком тогда всю задницу себе отси-дел, читая сто раз одно и то же, думая над каждым словом, взвешивая и стараясь понять, как такое вообще могло произойти. Но не о письме теперь речь. И не о том, как подло поступила Маринка, бог ей судья. Горечь отступила, обида стала понемногу забываться, но именно сейчас где-то в глубинах подсознания всплыло: а ведь письмо-то он тогда не удалил. Не посмел, рука не поднялась. Сначала раздумывал над ним, потом решал, ответить или нет – наверное, еще на что-то надеялся. А потом просто-напросто забыл. Или не смог, потому что это было последнее, что от нее осталось. Думая о том, следует ли взять с собой в бега ноутбук, Эдик ответил себе однозначно: не стоит. Люди Полкана в любом случае наведутся в квартиру. Если ноутбука не будет на месте, станет понятно, что Эдик затеял и заранее подготовил побег. Рано или поздно они и так это поймут, но торопить их не надо, пусть их выводы идут своим чередом. Эдику нужно время придумать и осуществить план отхода, а давать противнику наводки – это почти то же самое, что идти с повинной.

На потолке отражался свет уличного фонаря. Эдик уставился на это световое пятно и стал лихорадочно соображать. Успели они уже побывать в его квартире или нет? Полкан – это вам не полиция и не ФСБ, человеческих ресурсов в его распоряжении нет, но если речь шла о крупной сумме, он их получит, тут можно даже и не сомневаться. Обзавестись людьми – это для него только вопрос времени. Сколько часов ему нужно для того, чтобы сколотить поисковую команду? Сколько-то нужно, не за пять минут же это делается. Позвонить людям, встретиться, договориться... Пока то да сё, день уйдет как не бывало. Эдик вскочил в кровати. Мурашки бегали по коже, подбирался озноб. Если люди Полкана заглянут в его ноутбук, они первым делом просмотрят его переписку в почте и соцсетях. Ничего такого не найдут, да и письмо Маринки, надо думать, отметят не сразу. Но если станут работать вдумчиво, то на всякий случай зайдут на ее аккаунт, где в главе «Информация» указано, что Марина Митрофанова работает юристом в фирме «Перспектива». Или она уже там не работает? Даже если так, бывшее место могла сохранить. А тогда они вычислят его за пять минут. Эдик вскочил на ноги, машинально стал натягивать джинсы. Выглянул во двор – никого. Время третий час ночи. Может, ничего страшного еще не произошло? Может, Полкан еще не успел сколо-

тить команду? А может, они вообще не собираются устанавливать круглосуточное дежурство в подозрительном дворе? Может, он просто, как говорится, «перебдел»?

Эдик натянул черную майку, чтобы не светиться в темноте, тихонечко прикрыл дверь в свою комнату, чтобы не разбудить старуху, постарался, чтобы и входная дверь не сильно хлопнула. Спустился по лестнице, выглянул на улицу. После дождя было свежо и прохладно. Деревья шумели листвой и гнулись под порывами ветра. Воздух пах свежими, промытыми листьями, прибитой дождем пылью, свободой. Он огляделся еще раз – никого не увидел. Такси решил не вызывать, в такую ночь пробежаться одно удовольствие. Надо проветрить голову после целого дня лежания в душной квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.